

50
ЛЕТ
ВОЛОГДСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ

КЛАДОВЫЕ СЕРДЦА

*Очерки
о писателях-вологжанях*

1431416

ВОЛОГДА
2011

Владимир Кудрявцев

КОЛОКОЛА
ЛИТЕРАТУРНОЙ ЗВОННИЦЫ

Слово о современниках

Ольга ФОКИНА

Нина ГРУЗДЕВА

Виктор КОРОТАЕВ

Юрий ЛЕДНЕВ

Роберт БАЛАКШИН

Виктор ПЛОТНИКОВ

Александр ЦЫГАНОВ

«Простые звуки Родины моей...»

Ольга
ФОКИНА

1. О ПРИРОДЕ

Можно даже представить, о чем ей думается на крутом берегу Северной Двины, где «небо – светло-высоко, где поле – светло-широко». Можно и предположить, что вспоминается ей, когда она порой оказывается на этом заветном для нее берегу и растворяется в звонком пространстве «этих огромных и прозрачных, только из света и воздуха – летних дней», торжествующих буйной зеленью и вездесущим ветром.

Еще в далеком детстве на этих берегах она искала «неведомое средство, чтобы стать – в реке рекою, в птичьем хоре – птичьей песней». Тогда она даже не могла и помыслить, что однажды сможет оставить эти «земляничные угоры над речонкой с пескарями».

А теперь, спустя годы, у нее остается одно единственное желание – «всласть надышаться родиной».

Для нее Северная Двина – река-труженица. Она никогда «не рдилась в перышки парусов». Ее в прежние годы украшали «плоты, как заплаты». «О разливах ее и плесах золотых» даже «в народе мало песен поется». Непонятно только – почему: «то ли люди не видят ее красоты, то ли слов, чтобы спеть, не находят». Наверно, все-таки не находят слов.

Ольга Фокина упорно и без усталости ищет их всю жизнь. Ищет, как трудолюбивая пчела ищет нектар, и находит, чтобы поведать своим землякам, как река-кормилица по-женски тихо и смиренно успевает «росою обильной всласть наплакаться за короткую ночку июля».

Здесь, на ее берегах и на берегах речки Корбанги, поэтесса не раз признавалась: «Но я – дитя моей реки». Она даже «на обрыв-берегу хорошо себя чувствует». Природа здесь разговаривает с ней «губами облаков и голосами птиц».

Только здесь, на родной земле, и может она, уединившись, до конца слиться с природой, раствориться в ней и почувствовать ее живую душу. Этому ее учил еще отец, пока не ушел на фронт. У отца «для природы милой лишь одно было имя – Мать».

«Природа-мать повелела ей любой язык понимать», и она, верная и природе своей – поэтической, понимала его. Да и как было не понимать, если ее в детстве «луг своим клевером и щавелем от смерти

спас». Только в ее, «природы тенетах», она и «живет вольно». Она «природы естество любит всей душой» и потому в мире лесов и лугов «нелюбимой не бывает». Она всем сердцем искренне откликается на «откровенье природы», потому и «в крови ее – брусничный сок и сок березовый».

У деревьев, как и у людей, свои характеры и судьбы.

Ольха «цветет тихо и скромно», но характер у нее – «чисто золото».

Березу Фокина любит «за характер русский». Вот поэтесса, горем опечаленная, стоит у срубленной березки и закликает исходящий соком корень: «Живи же, корень, / Я буду стеблем! / Я продолженье / твое живое, / твое цветенье / с твоей листвою...». Когда и в самой «все гибнет и вянет», «поднять и спасти» может только «березовый сок». Для нее он как «самое лучшее средство от всех пороков». Стоит только «к милым березам щекой прижаться, поцеловать берестяной краешек», испить целебного сока, и будет «снова все хорошо, как раньше».

И у ивы тоже доля женская. И она, как вдовья солдатка, «все вынесла» на пути своем. И она по характеру – «живучая и могучая» – ничего что «все зовут – плакучею».

Для нее и «черемуха за старым огородом – / единственная память об отце». Отец перед войной «садил ее, / чтобы пел на ней скворец, / чтобы ягода родилась. / Пригодилась...».

Это отцовская черемуха, а сколько их «при дороге выросло, – / взошло, где птица вытрясла»!

Поэтессе и в лесу каждый кустик и каждое деревце сродни. Потому она, «наводя в лесу справедливый порядок», и «березкам по-приятельски кивает, и с осинками по-дружески дрожит». Она и к черемухе, «тихо запевая», обращается как к живому существу:

Попахни, черемушка,
Родимой сторонушкой,
Ледалой соломушкой,
Шершавой коровушкой,
Метеною улочкой,
Осевшим крылечиком,
Прошедшим и будущим
Теплом человеческим...

Она пытается хранить «родные родники», завещанные отцом, чтоб вокруг них всегда «было солнечно и звездно». Хранит, чтобы иногда можно было «ничего не жалея на свете, без пути и без цели скакать по лугам», чтобы, уезжая из родимого дома, всегда был повод сойти с поезда, спохватившись, что на родине опять «осталась не завернутой родниковая вода».

2. О ДЕТСТВЕ

На берегах этих северных рек прошло детство Ольги Фокиной. Здесь все напоминает о нем: каждый куст придорожный, каждый омут речной и каждое дерево под окнами деревенских изб.

Что я помню?
Зыбку возле печки...
Это было, было, было, было!..

В очерке «Наследство чудо-родины» критик Василий Оботуров пишет: «В творчестве Ольги Фокиной память – сквозная тема». Читая ее стихи и постоянно убеждаешься в том, что «памяти подвалы на то они и есть», чтобы не давать ей ни минуты покоя. «Запасы памяти» ее неиссякаемы. Память то и дело возвращает поэтессу к порогу родной «избы, этой дымной, печной, лучинной», в которой «начало» ее мира.

В нем, «не карточном доме», который был «весь – ввысь», прошло ее детство. Оно тоже время от времени «пробирается» к ней «на печь и не только «во сне». Но только во сне возвращается к ней отец: «Тя-тенка! Боже!.. Плача проснулась: нету родного...».

Как хлопотала она по дому, как старалась, «вытирая лавки, приступки, стол, вынося мусор», чтобы улучшить момент и «робко попроситься: «Отпусти меня, мама, в школу!»». Она и сегодня чувствует себя виноватой перед старшим братом, потому что из-за нее, принятой в первый класс, он вынужден был «школу оставить».

Разве забудешь, как «качала в зыбке братишку» и как потом, бережно «зажав в кулаке», несла из лесу «на радость маленькому брату десяток первых земляничин». Но слишком рано им, детям, опаленным войной, «взрослой жизни груз упал на плечи трудно поднимаемым бревном».

А куда денешься от запахов детства! Один – добрый «запах доведенных дней», другой – голодных лет. Тех страшных лет, когда «собирали по деревне куски» и видела «глаза подававших людей». Ходила по миру, потому что «умирать было страшно». Она всю войну не слышала, как «пахло теплым молоком и свежим хлебом». Но, как бы ни было трудно, она благодарна судьбе за то, что «раньше ломтя мякину-солому знавало дитя».

Память ее на всю жизнь сохранила и запах «розового мыла». Это тоже запах военного детства. А какие запахи у пробуждающейся весной земли! Они и сегодня будоражат ее воображение и пробивают до слез!

Как же ты пахнешь, сырая земля!
Этот бы пласт, перевернутый плугом,
Взять в обе руки и есть, не соля,
Не оснащая ни медом, ни луком...

3. О ЗЕМЛЕ

Эта земля для Ольги Фокиной, как и для всех нас, родившихся в деревнях, была святой и таковой останется до конца дней наших. Ее «прадед (а «наши прадеды – со Дона казаки!») от рожденья до гроба полил потом и кровью эти загоны». А дед ей «завещал поле с житом и рожьью, / боровые приметы, / луговые остожья».

Уж кто-кто, а она, Ольга Фокина, по судьбе матери и по своей собственной судьбе знает, что где ей, земле-матушке, «тяжело», там и

«детям ее достается не легче». Она-то знает, что «не залижет морская волна, то родная земля исцелит».

Ты – без асфальта, и я – босиком,
Ты – из-под снега, и я – после стужи...

От нее, «лоскута отеческой земли», и радость ее, от нее – и печаль светлая, от нее и думы тревожные. О ней и воспоминания – светлые и горькие, наяву и «в радужных снах».

Вспоминая, как за срезанные колоски милиционеры «забирали тетку Полинаху», она, будучи девчонкой, спросила у матери: «А лучше – воровать или просить?» (кусочки-то у добрых людей она просила ради себя и младшего братика).

На это мать ей ответила так: «Лучше – до смерти работать». Так, помня материнский наказ, дочка и «живет, на миру не горбась», так и работает, не помышляя об отдыхе.

Так и работала, чтобы однажды, держа ответ перед земляками, могла сказать им, живущим в краю, «которым сама живет и дышит», и ответственность перед собой («Не предала ли края отчего, живя от отчего вдали?»):

Может, я на те края
Право заслужила.
И речонку, где пырей
Ладит переправу,
Я смогу назвать своей,
Может быть, по праву...

Нет, порой «нужно и можно жить вдали от «чудо-родины» – для нее же, для «чудо-родины» и жить (В. Оботуров). Ладно, что на земле родной «нам еще верят», как хорошо, что на ней «нас еще ждут».

4. О ДОМЕ

На этой земле стоит и родовой дом, однажды оставленный ею. Дом, в котором она «росла на полу некрашеном», а «пол ее был бел, бос и гол».

Ольга Фокина счастливее многих из нас уже потому, что дом ее жив и стоит он в живой, слава Богу, деревне. Страшно представить, если бы его не было. Нет, лучше и не представлять.

Александр Романов однажды на миг представил и в ужасе записал: «Если бы по каким-то обстоятельствам дом в Петряеве оказался разрушен, то и я очутился бы сразу нравственно разоренным и психически убитым. Я бы просто перестал существовать...».

Вот такая у него, родительского дома, животворящая корневая система, и такое у него целительное энергетическое поле. Без него и наша жизнь сразу обесценивается и, разрушаясь, теряет прежний смысл («С ним – жива, без него – смерть»).

Ольга Фокина так и не стала городской. Она как была крестьянкой, так ею и осталась: и по мироощущению, и по душевному складу. А стержневое в ее мироощущении – «единство жизни с народом,

среди которого она выросла, вместе с которым еще маленькой девочкой переживала трудности военных лет» (В. Оботуров).

Она и в городе жила и постоянно живет томительным и сладостным ожиданием встречи с родным домом и близкими ей людьми.

Зная, что брат собирается в гости, она просит его из гостинцев привезти не разносолов деревенских, а «горстку содонгского сена»: «Привези мне сена, Вовка!.. Поддержи, братишка, пламя, только пламя не гаси!..».

К порогу родительского дома она приходит до сих пор, приходит «за сказкой, за приветом, за лаской, за советом, за шанежкой домашней, влюбленностью вчерашней...».

В нем жить было «весело и песенно», когда была жива мать и «когда дети росли». Вьюжной зимней ночью у дома и «бревна поют, как под смычком, и крыша гудит – колоколом». С его крыши и «видно далеко, и далеко слышно». К нему, «ничьих советов не спросив», она бежит из города «полями родной Руси» и знает, что «из самой верткой круговерти придет домой – не утонет» и в дороге не пропадет.

Пойду, царапну иней,
Осторожно подышу,
Как полено в печку кинет
Мать, счастливо погляжу...

Это брата рукавицы...
Вот и он – через порог,
В инье шапка и ресницы –
Ездил за сеном, продрог.

...Оторвусь от мерзлой рамы,
Пообщаюсь с голиком,
Двери настезь:
«Здравствуй, мама!
Здравствуй, самый светлый дом!

Он светлый и добрый, дом ее детства. В нем и душа после городских передряг у нее встает на место. Только здесь, в его родных стенах, она и сама приходит в чувства и возвращается к самой себе. В нем даже с «лавками и окошками», даже «со столом, под который ходила пешком», и то – хочется поздороваться.

Ей было семнадцать лет, когда она, учащаяся медицинского училища, твердо и уверенно сказала себе и заявила миру:

Я – никто? Это ложь:
Я – сильна и вольна!..

5. О МАТЕРИ

Тема дома и рода, тема матери, а через нее и женской доли, – это святы, но одновременно и болевые темы в творчестве Ольги Фокиной.

Мать была «красива не внешнею, а глубинною красотой». Она

была «добра, но горда», а на руках у нее к войне было пятеро детей: «кормилец – в могиле, малец в подолу». Она одна из «братства овдовевших солдаток», на которых в войну и после войны «стоял на ногах колхоз». И сегодня трудно понять, «что давало ей силы суметь, спроворить, сноровить». Как и у других сельчан, была ее «биография вся на виду – дом, соседи, родные, друзья». Как и ее сверстницы, однажды, когда дети выросли, она осталась одна в родовом доме: «вся я одна сегодня, вся я одна вчера».

Мать из того «особого народа», который и сил набирался, и спасался тем, что жил «по совести, по чести».

Она и дочку так воспитывала и «растила себе в подмогу, жалея, любя, не браня». Она, как и любая мать, переживала за нее и предостерегала, «в низине родившуюся», что «на крутом берегу все дороги круты». Она «беспокоилась за нее и боялась»: «не заплутала бы» дочка без материнского пригляда. Но не могли уже их, деревенских девочек, «не вразумить – ни мать, ни Богородица», потому что им всем тогда так «хотелось уехать» учиться и жить в большие города – подальше от дома.

Дочка была уже в том возрасте, когда ее настигали «внезапные стишки: с ходу, складно, наизусть!» Она уже «писала стихи на ходу», когда «варила, мела, стирала и пела». Она, сидя у окна общежитской комнаты (рядом только «лампа да книга, перо да тетрадь»), уже с родившейся в душе строчкой вглядывалась «во мрак заоконный». Тогда она могла уже сказать:

Мелодию – люблю!
Мелодию – ловлю!
Мелодии велю
Остаться на бумаге...

«Что кому на роду написано»: ей Бог выбора не оставил – «что досталось, сменить нельзя». И уходила дочка из дому, чтобы вдали от него среди городского люда «стать человеком». Уходила, оставляя кому-то – «уже навсегда? – сенокос, землянику, малину».

Но уже скоро ее, вкусившую столичных благ, стало неодолимо «влечь обратно домой – в человеки». Ее ли одну?

А мать, проводив дочку в чужие края, жила с постоянной надеждой: скоро ли дочка приедет в гости? Не ленилась и «в шубейке старой, в валенках больших» за три километра ходила к телефону: «не позвонит ли дочка из района?». А гости в доме уже давно бы по всем приметам должны быть: вот и «паук спустился с лампы», и «угольки из печки – к гостям».

Оставив мать в деревне, дочка мечтала только об одном: порадовать мать и хоть как-то ее, всю жизнь не знавшую ни сна, ни отдыха, отблагодарить. Кажется, ради этого она и жила, и стихи писала. Она так хотела, чтобы любимая мама смогла однажды «додумать не додуманное в будни, / додремать недоспанное / и нудное, болящее – унять...».

Она, приезжая домой, чувствовала, как ей раз от раза все труднее оставлять мать одну в опустевшем доме. Перед отъездом что-то

властно удерживало ее у порога, как только она к нему через силу «кидалась», понимая, что уезжать-то все равно придется. А тревога становилась «все сильнее и внятней» не только за маму, но и за то, что без нее «одичает оставленный луг и зарастет полевая дорога», и настанет день, когда ни «лугом не пройдешь – водяно, ни лесом – грязь засосет».

Посмотрит она, как мама утром на кухне управляется, как чугуны на ухватах в печку задвигает, и сердце дочкино так и падает: а «что как у мамы рука содрогнется? Надо бы – рядом...»

Она хотела «когда-нибудь встать с ней наравне», но не была уверена: «сможет ли, дорастет ли...».

Гордая моя мама!
Горькая твоя доля
Голову носить ниже
Так и не научила.
Держишь ее – как надо:
Дерзостью встретишь дерзость,
Вдесятеро заплатишь
Людам за доброту.
К белым твоим сединам
Бережно прикасаюсь,
Будто бы это – боли,
Собранные в жгуты;
Будто бы это беды,
Те, что отбедовала:
Густо, к одной – другая...
Разбедить – боюсь...

Здесь уместно снова обратиться к авторитетному мнению Сергея Викулова. Он, читая стихи о матери, написал: «Удивительно чистый, нравственно цельный образ русской крестьянки встает из стихов О. Фокиной о матери. В подвижничестве матери, вдовы-солдатки и колхозницы, она видит теперь проявление характера всего народа, всех русских женщин...».

Дочка тоже не искала в городах легкой жизни.

Уже тогда, по словам того же Сергея Викулова, хорошо знавшего Ольгу Фокину, в ней «поражали почти не женское мужество, уверенность в себе, сознание высокого долга перед народом, готовность разделить с ним все испытания».

И это правда.

Она и дело себе выбрала такое, за которое до нее в округе никто и никогда не брался. К тому же она «с детства жила в борьбе», и все ей по жизни «доставалось с бою». И сама жизнь ее «начиналась с колоса в мерзлой еще стерне».

Не потому ли она, когда пришла пора, хоть и не без робости, но смело и «не стыдясь» стала «выступать от имени серпа», а значит, и от имени своей матери и всех своих земляков. От имени тех, «кто и предан, и продан, и схоронен был тысячи раз!..».

Иначе она не могла, чувствуя себя «у деревни вечным должником» и желая сказать миру слово во славу ее и в защиту.

6. О СЛОВЕ

Главным богатством Ольги Фокиной стало Слово, «волшебство» которого она почувствовала через Пушкина. Слова «стали мучить ее (голоду, что ли, назло?)». Но шла она «за строкой не на Олимп Парнасский, а – на угор», потому что «лишь здесь, наяву, вдохновенье ее и свобода».

Она запасалась словами впрок, чтобы ей хватило их надолго – на всю жизнь. Она искала те самые сокровенные слова, которые могли бы всегда быть под рукой и «стать на уровне с душой в священный час ее волненья».

Ольга Фокина не угадала, а почувствовала свою судьбу и призналась, что она «с литинститутских пор – седьмого неба житель». Она поняла, что «поэт – не ремесленник», а слово его, если оно истинно и точно вставлено в строку, должно служить людям и «жить не меньше столетья, а может, и больше...».

Своим сердечным зрением она видит «поэзию в простом»: «вот над ивовым кустом – нитка диких уток». А разве эти строки не становятся по волшебству автора настоящей поэзией:

Несу по огороду
На утренней заре
Серебряную воду
В серебряном ведре...

Да, уже с юных лет она несла в себе «поэзию, существующую в самой жизни – в чувствах, мыслях, настроениях людей, в картинах природы и быта» (Н. Рубцов).

Она не могла не стать поэтессой. Поэзия была ее единственной страстью и Богом данной Судьбой.

Околдованная словом, Ольга Фокина уже не могла, по словам Рубцова, представить свою жизнь «без стихов... Она пишет о самом простом и дорогом для всех – о матери, о любви, о природе, пишет о своей судьбе, а также о судьбе земляков. Все это по-человечески понятно и привлекательно и поэтому находит отклик... Леса, болота, плесы, снега – органично и красочно вошли в лучшие стихи Ольги Фокиной. И все это стало фактом поэзии потому, что все это не придумано и является не мелкой подробностью, а крупным фактом ее биографии, ее личной жизни, судьбы...».

И сердцем и умом она понимала, что «стихов ее никто не перехватит» и что ей «по свету колесить еще долго», причем колесить «без права устать и разбиться». Одни слова она собирала «на берегах Двины, другие – на Содонге, «глинистой, обрывистой, пахучей и сыпучей». И каждое слово в народе жило и светилось наособицу. Одно «яхонтом», другое – «изумрудом». И у каждого были имена свои, и фамилии.

Поэтесса «смело заимствует из разговорной речи своих героев не только сами слова, меткие выражения, пословицы и поговорки, но еще и интонацию, музыку этой речи. Слова эти полноправно живут в стихах, придавая им особую окраску, ту самую, без которой понятие «национальное своеобразие» – пустой звук» (Сергей Викулов).

Ольга Фокина, приученная с детства к нелегкому крестьянскому труду, и со словом работала «на совесть, чтоб вышел с людьми разговор» серьезный и обязательно – о самом главном.

7. О СУДЬБЕ

Она, зная цену словам не меньше, чем цену хлебу, понимала, что тема «несжатой полосы» актуальна и сегодня и что сама она в мир «пришла из некрасовских «Троек».

Вокруг «несжатой полосы» и сегодня столько «светлых слез, счастья и любви», что рядом с ней Муза молчать не может.

Некрасов стал для нее Богом. Нет, она «не молилась на него, – отметил в предисловии к стихам Сергей Викулов, – она у него училась, училась безраздельной любви к родному народу, умение просто и в то же время душевно разговаривать с ним, помогать ему осознать в себе силу «неисчислимую», веру в лучшее будущее».

Ольга Фокина, встав на этот путь, с самого начала «верила в свою удачу и свою звезду». Уже в первом ее сборнике не кто-нибудь, а сам Михаил Исаковский с ее поэзией «почувствовал какое-то своеобразное родство».

Это теперь можно смело сказать, что любой читатель найдет в стихах Ольги Фокиной свой интерес. В том же упомянутом мною предисловии Сергей Викулов, анализируя творчество поэтессы, пишет: «Знаток, любитель поэзии обнаружит изощренность формы стиха при всей его кажущейся простоте, органическую связь с народно-поэтическим творчеством. Самый рядовой читатель оценит прозрачную ясность стиха и близость мыслей, чувств, настроений, выраженных в нем, его думам и настроениям...».

И, конечно же, путь ее «от избы до своей звезды был – ох как! – нелегок». По словам Василия Оботурова, это был «путь от себя к людям, от лирического переживания своих, частных, настроений к переживанию судьбы героя, судьбы народа».

Это только на первый взгляд может показаться, что по жизни ей всегда везло и во всем ей сопутствовала удача.

Да, «судьба ее не обманула и стороной не обошла». Да, у нее «и весна была с цветами, и лето – со страдой», у нее «должна быть и осень со снопами, и зима – с теплой трубой».

Но только она знает, как свою жизнь «выносила на горбу и на нервах». Ей тогда только и стало «далеко видно с горки, когда горе стало горкой». И чаще «не карандашом жизнь писала» ее «слова и строчки», а перо каленое их «горем выжигало прямо на живом».

Только она знает, как это – «ловить звуки напряженными нервами». Она, как и крестьянская изба, жила «не на отшибе, не с краю русского села». И не сразу, а с годами поняла, что «и даль, и высь, и счастье» приходят только к тем, кто в жизни «не уклоняется от всеучастия».

Ольга Фокина всегда была обращена душой к людям – «Душе нельзя – одной! / Ей к душам нужно!». Она всегда жила их радостями, болями и надеждами. Она могла как на духу сказать, не покривив душою:

В дому моем – чисто.
В дому моем честно...

Поэтесса радуется, что «в ее домишке и окошке – солнышко». Она приглашает всех: «Заходите – посмотрите!..». Сказала, как выдохнула – «все просто, непритязательно и живописно» (В. Оботуров). В душе она осталась такой же, какой была и вчера, когда входила в большую литературу.

Я не сенсационна:
Здорова. И не пью.
Проста. Традиционна.
Все русское – люблю...

Дай ей Бог здоровья и вдохновенья!..

